

3. Классификаторы, употребляющиеся с подгруппой удлинённых предметов. Например: 条 tiáo – полоска, 支 zhī – ветка: 四支钢笔 sìzhī gāngbǐ – четыре ручки, 两条河 liǎngtiáo hé – две реки.

册 – индивидуальное счетное слово для томов, книг, номеров периодических изданий: 一册集邮部 – один альбом для марок.

4. Индивидуальные классификаторы. Например: 把 – индивидуальное счетное слово для предметов, имеющие ручку/рукоятку, либо специально приспособленных, чтобы держать в руках: 一把刀 – один нож, 两把伞 – два зонта, 三把椅子 – три стула.

5. Многозначные счетные слова. Например: 把 – связок, пучок: доле-вое счетное слово для связанных, скрепленных друг с другом предметов: 一把筷子 – одна пара полочек, 一把鲜花 – один букет цветов.

把 – горсть: доле-вое счетное слово, обозначающее количество пред-метов, которое можно одновременно держать в одной руке: 一把米 – од-на горсть риса, 三把花生 – три арахиса.

Таким образом, в современном китайском языке существительное озна-чает не единичный предмет, а совокупность однородных предметов; форма единственного и множественного числа существительных выра-жается путем сочетания существительного с числительным, при этом в данном сочетании одно должно быть счетное слово или единица изме-рения; правильное употребление классификатора играет важную роль; использование того или иного счетного слова определено характером предмета.

Литература

1. Учебный справочник китайских счетных слов. (Китайские счетные слова без слез). Чу Пэйжу, Цзинь Найлу. Пекин, 2002.
2. *Задоев Т. П.* Хуан Шуин. Основы китайского языка. Вводный курс. М., 1983.
3. *Задоев Т. П.* Хуан Шуин. Основы китайского языка. Основной курс. М., 1986.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В РОМАНЕ ЦЗЯНА ЖУНА «ТОТЕМ ВОЛКА»: «ВОЛКИ» И «ОВЦЫ»

А. С. Холево

Вышедшая в свет в 2004 году книга «Тотем волка» Цзяна Жуна стала настоящей сенсацией. Роман никому неизвестного на тот момент писа-

теля произвел фурор в литературном мире Китая: книга была распродана через несколько дней, после чего появились и ее пиратские копии. Критики назвали роман «атомной бомбой». Вскоре были выкуплены и права на экранизацию книги, а еще через некоторое время она была переведена на восемь языков. Автор романа был удостоен более чем десяти литературных премий, от большинства из которых он отказался. Долгое время читатели не знали даже настоящего имени писателя, ведь Цзян Жун – это творческий псевдоним. В течение нескольких лет автор скрывался от журналистов, и даже его коллеги по университету не знали, что работают вместе с создателем «Тотема волка». В чем же причина такого успеха книги и почему автор так долго скрывал свое настоящее имя?

Цзян Жун (настоящее имя Лю Цзяминь) родился в Нанкине и был воспитан в коммунистическом духе в семье, где отец и мать занимали высокие посты в государственном аппарате. У него, в отличие от сверстников, была возможность читать запрещенные книги и смотреть зарубежные фильмы, в то время как обычные люди могли читать только газету «Жэнь Минь Жибао» и сборник Мао. Родители привили ему любовь к искусству, воспитывали в нем чувство прекрасного. После окончания школы Цзян Жун решил поехать добровольцем во Внутреннюю Монголию, чтобы, как он сказал в одном из интервью, «ощутить вкус настоящей жизни» [4]. В монгольской степи он встретил культурную революцию, на его глазах происходило уничтожение уникальной природы Внутренней Монголии, он видел, как на смену вековым традициям приходили новые порядки, требующие «борьбы со всем отсталым и ветхим» [4]. На протяжении одиннадцати лет, проведенных в монгольской степи, Цзяна Жун не оставлял в покое вопрос о том, почему монголы так ценят свободу, чтут традиции предков и живут в гармонии с природой. И главное, как удалось этому народу захватить мир в средние века? Что такое есть у монголов, что позволяет им на протяжении столетий, несмотря на неоднократные изменения в политической системе, сохранять свободолобие, стремление к воле и независимости духа? И почему китайцы, несмотря на обретение собственной государственности, так и не стали свободными? А ответ оказывается очень простым: сами китайцы и их менталитет, сформированный под мощным влиянием конфуцианства, и являются основной преградой к обретению свободы. Китайцы, по мнению автора, словно стадо овец, ведет тихую, покорную жизнь, следуя законам Конфуция. Автор утверждает, что «конфуцианская философия – это вышестоящий-нижестоящий, отец-сын, она подчеркивает, что вышестоящие уважаемы, нижестоящие всегда находятся в подчинении, в безропотном повиновении» [3] и что «мирная крестьянская экономика и конфуцианская культура размягчили национальный характер» [3]. Но

Цзяна Жуна интересуют не только причины такой покорности и смирения китайцев, но и пути разрешения этой проблемы. Анализируя историю Китая от самых истоков и до наших дней, автор приходит к выводу о том, что только возродив в своей генетической памяти связь с волком, восстановив в культурном коде самоидентификацию с этим животным, китайцы смогут возродить былое величие духа, не сломанного конфуцианскими догматами, и воспитать в себе такие качества как свободолюбие, независимость, упорство и стойкость в преодолении сложных ситуаций. Иными словами, китайцы должны избавиться от «овечьей болезни» и стать «волками».

Само название романа представляет собой вызов традиционному представлению китайцев о волках. Дело в том, что китайцы не очень любят это животное, которое представляется им как воплощение жестокости, зла и мстительности. Негативное отношение к волкам вызвало негодование некоторых критиков по поводу сюжета и названия романа, а автор был обвинен в фальсификации и гиперболизации реальности. В сознании обыкновенного китайца волк – это враг, которого необходимо истребить, уничтожить. А в романе все наоборот: волк предстает перед нами как символ благородства, стойкости и упорства, объединяющий поколения и служащий хранителем традиций предков. Главный герой романа – молодой интеллигент Чень Чжэнь, очарованный величием степи и ее главных обитателей – волков – решает завести волчонка, приручить и воспитать его, чтобы лучше понять нрав этого животного. Чень Чжэнь, как и сам автор, приходит к выводу о том, что дальнейшее позитивное развитие китайской цивилизации возможно только при условии освобождения от «овечьей болезни» и воссоединения с утраченным «волчьим духом».

Итак, кто они: «волки» и «овцы»?

Волк – главный тотем монголов, которые считают его не только своим предком и покровителем, но и посланником неба-Тэнгри для поддержания гармонии между всем живым на земле. Нет волка – нет жизни. Это девиз монголов, с которым они жили не одно столетие. Волк для монголов является олицетворением свободы, независимости, величия духа, стойкости и мудрости. Монголов также восхищает сплоченность этих животных, когда каждый из членов стаи готов пожертвовать жизнью ради своего соплеменника. Цзян Жун полагает, что монголы научились военному искусству у волков, это и позволило им завоевать столь обширные территории и подчинить себе миллионы людей. В уста главного героя он вкладывает идею о том, что влияние волков на ход истории невозможно переоценить: «Монголы построили самую большую по территории империю. У них с самого начала даже не было своей пись-

менности, железных наконечников стрел, это был кочевой народ, делающий наконечники для стрел из костей животных, древним, отсталым способом. Как же так получилось, что у них была такая огромная военная мощь и военная мудрость? Неужели все, на что они опирались, – это мудрость волков и скорость лошадей? Волчья природа и характер? А также питаемый и возбуждаемый волчьим тотемом бурлящий национальный дух? Если бы в монгольской степи не было волков, то мир и Китай могли бы иметь другой вид» [3]. Итак, волк для монголов – это не просто животное. Это часть их самих, часть их жизни, организованной по очень схожим с волчьими принципам. Волки – спасители и благодетели монголов, волки – небесная лестница, по которой души степных людей поднимаются к небу. И потому этот степной народ на протяжении десятков столетий пытался воспитать в себе такие присущие волку качества, как свободолюбие, верность, коллективизм, стойкость и непокорность. В этом, по мнению Цзяна Жуня, и заключен успех монгольского народа, сумевшего сохранить обычаи предков и не нарушить гармонию человека и природы.

Овцы – полная противоположность волков. Покорные, боязливые, трусливые и глупые животные, которые при «нападении волков не издают ни звука, позволяя им спокойно делать свое дело» [3]. Цзян Жун в своем романе неоднократно подчеркивает, что «китайская болезнь» – это «болезнь овец», она принадлежит к категории «болезней домашнего скота» [3], а корни этой болезни в крестьянах и крестьянском характере. Китайцам, являющимся потомками северо-западных кочевых народов, не хватает «волчьей крови», которую они утратили с переходом на оседлый образ жизни. Став крестьянами, они стали пренебрежительно относиться к скотоводам, их традициям и верованиям, забыв, таким образом, своих предков. Автор утверждает, что в жилах китайцев еще течет волчья кровь, им присущ волчий характер, что в будущем может стать источником возрождения китайской нации. Главный герой романа Чень Чжэнь так рассуждает о присутствии «волчьей крови» у китайцев: «В эпохи Хань и Тан китайцы провели несколько сотен жестоких сражений и уничтожили или изгнали сильных северных гуннов и западных тюрков. Тогда были времена самого расцвета Древнего Китая. И в культурной жизни тогда тоже наблюдался значительный взлет и расцвет. Почему же в те времена китайцы были такими сильными? Я считаю, потому, что в те времена в крови китайцев присутствовала наибольшая концентрация “волчьей” крови, а “овечьей крови” было меньше всего» [3].

Таким образом, Цзян Жун на протяжении всего романа пытается разобраться в том, что связывает китайцев, их историю, культуру и менталитет с волками? Волк в данном случае выступает не только как степное

животное, являющееся тотемом для кочевых народов, но и как символ величия духа, свободы, непокорности, утраченных китайцами в процессе перехода от кочевого к оседлому образу жизни. Для обычного китайца сопоставление исторической судьбы народа с волками кажется невымыслимым. В процессе становления китайской нации связь китайцев с предками-кочевниками была утрачена, а волк из тотемного животного, на смену которому пришел дракон, превратился в воплощения зла и жестокости. Автор считает, что это отхождение от традиций предков-кочевников может стать роковым, а поэтому китайцам необходимо излечить в себе «овечью болезнь», навсегда расставшись с неуверенностью в себе, замкнутостью и покорностью, навязанными конфуцианством. Это и есть главная идея романа, который, словно переключаясь с рассказом Лу Синя «Клич», призывает китайцев к сплоченной, единой борьбе, где каждый выступает не сам за себя, но и за товарища, друга, брата, в борьбе за свободное и счастливое будущее.

Литература

1. *Jiang Rong*. Langtuteng. Hubeiwuhan: changjiang wenyi. 2004.
2. *Харитонов М.* Образ волка в социокультурной традиции народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 2000.
3. *Цзян Жун.* Волчий тотем. Интернет-адрес: <http://lib.rus.ec/b/342363>.
4. *Цзян Жун.* Интервью в газете “Nanfang zhoumo ”. Интернет-адрес: <http://www.infzm.com/content/3375>.

НАРАЦЫЯ Ё ТВОРАХ ВІКТАРА КАЗЬКО («ВЫРАТУЙ І ПАМІЛУЙ НАС, ЧОРНЫ БУСЕЛ»)

І. Ч. Часнок

У рамане «Хроніка дзетдомаўскага саду» Віктар Казько піша: «Памяць, як сабака, усё рве і рве ланцуг, рыскае, кідаецца ў бакі, шукаючы след, здаецца, знаходзіць яго, бярэ, набывае веры і губляе яе» [3, с. 68]. І гэтыя словы самога пісьменніка з’яўляюцца найбольш трапнай і ўдалай характарыстыкай нарацыі ё яго творах; г. зн. яны выдатна характарызуюць манеру В. Казько выкладаць і асэнсоўваць, фіксаваць у лінейным тэксце любыя праявы быцця.

Нарацыю (або наратыў) мы будзем разглядаць як расповед пісьменніка пра якія-небудзь падзеі. Будзем таксама мець на ўвазе, што ў нараталогіі менавіта сам працэс расповеду, у якім ужо ёсць аўтарская інтэрпрэтацыя выкладзеных падзей, прызнаецца найважным; якраз гэты працэс і з’яўляецца прадметам спецыяльнага аналізу.

Разглядаючы нарацыю ё творах В. Казько, будзем таксама вылучаць пісьменніцкую інтэнцыю – творчую скіраванасць аўтара да паразумення